

сложнее. Затеять пустую ссору и напасть с оружием на человека, который, как ему было ведомо, очень ловко и искусно владеет шпагой, значило, по его разумению, полагаться на случай; прибегнуть же к помощи нескольких подручных и затем свалить все на ненависть к французам было во все нехорошо, потому что сеньор Гонзага, содержавший пленника под защитой и покровительством воинских законов, был настолько чист душой, что не стерпел бы подобной низости точно так же, как если бы дело шло о нем самом. Наконец, после долгих раздумий, принц нашел, что наиболее прямой и верный путь – отравить врага ядом. Так, не способный быть львом, решил он быть лисом. И стал вести себя весьма хитро, щедро расточая дружеские ласки съёру д'Алегру, который, как истинный француз, имел открытое, чуждое подозрений сердце и не знал, что недоверчивость – мать благополучия; почему и поплатился столь жестоко, что его беда стала наукой каждому. О, как опасен предатель, одной рукой протягивающий хлеб, а другой заносающий камень для удара! Недаром Бион⁴⁹³ хвалит благоразумие тех, кто не заводит дружбы с первым встречным. И еще более справедливо, по-моему, мудрецы сравнивают ложных друзей с воронами, блудницами, мухами, мышами, тиграми и другими вредными тварями, ибо ложный друг вмещает в себя всю злобу этих тварей, что и показал Адилон. Но кто бы не обманулся на месте д'Алегра? Кто мог подумать, что фурыеры вероломства осмелились прокрасться в сердце дворянина, куда доступ им должны были возбранять его зрелый возраст, образ жизни и доброе воспитание? И разве кто-нибудь поверил бы, что они были впущены туда не кем иным, как Амуром, – да-да, Амуром, которого живописцы почему-то изображают обнаженным с головы до пят, а он на сей раз был окутан покровом и тайно развратил душу Адилона, заразив ее изощренным коварством. И вот до чего это коварство дошло: раздобыв за большие деньги тончайший яд, который не выдавал себя ни вкусом, ни видом и был неотличим от сахара (почему и обманулся незадолго перед этим один из пап,⁴⁹⁴ отравленный точно таким же ядом), принц весьма умело напитал им самое красивое яблоко, какое только мой найти. Для этого воспользовался он впадинкой, откуда выходит черенок, прикрепляющий яблоко к дереву: через нее яд проник внутрь и мгновенно разлился по всему плоду. После этой подсластки он с особой похвалой поднес губительное яблоко французам, держась весьма дружески; про себя же надеялся, что это будет его последнее угощение.

Однако все случилось не так, как замыслил принц. Несчастный сеньор, принявший этот смертельный дар с большим удовольствием, – что объяснялось и добрым расположением к дарителю, и красотой самого яблока, – тут же (зная, как подобные лакомства нравятся девушкам) мысленно посвятил его той, которой ранее посвятил всего себя. Не мешкая отправился он к ней и нашел ее играющей в кунуцы с придворными дамами. И едва он вынул из кармана злополучный плод, как юная принцесса, шая, ловко выхватила его прямо из руки и надкусила, не ведая, что впускает в свое слабое тело скрытый внутри этой сласти яд.

О горе! Безжалостный пришлец не пощадил прелестную деву и тотчас обнаружил свою омерзительную силу, пронзив ее чистую грудь столь острой болью, что, изменившись в лице от жестоких страданий, она была вынуждена уйти в свою комнату. Там, побежденная нестерпимой мукой, она бросилась на постель и немедленно послала за врачом своей матери (который находился в покоях болевшего подагрой дяди). Врач явился и, узнав, как начался недуг, решил сперва, что это род колики, вызванной незрелым плодом, – но, попросив больную показать язык и увидев, что он весь запекся и вспух, а в нескольких местах на нем проступила черная сыпь, понял, что это несомненные следы какого-то жгучего яда. И без малейшего отлагательства он заставил ее принять очень сильное противоядие – митридат.⁴⁹⁵ Увы! Яд и в короткое время успел сделать столько, что остановить его губительное действие было уже невозможно; но поскольку удалось его несколько замедлить и унять мучительную боль, врач, считая, что опасность миновала, ненадолго оставил принцессу и вышел из ее комнаты. У дверей он встретил сеньора д'Алегра, ждавшего известий о здоровье своей повелительницы. Услышав, что принцесса отравлена яблоком (ибо простодушный лекарь, ничего не знавший о том, как было дело, рассказал ему все без обиняков), потрясенный д'Алегр едва не лишился рассудка от сознания, что он – причина этого несчастья. А еще сильнее

⁴⁹³ Бион – древнегреческий поэт-буколик, живший в III в. до н. э.

⁴⁹⁴ Имеется в виду папа римский Александр VI, чей понтификат приходится на 1492–1503 гг.

⁴⁹⁵ Что это за средство – неясно.